

Глава 1

Ее зовут Тереза Энн Граватт, ей семь лет. У нее есть зеркало, сквозь которое можно заглянуть в другой мир.

Реальный мир представляется Терезе маленьким и неинтересным, она грезит о вещах более увлекательных, о мире, лежащем за пределами того, что ей известен. Она живет со своими родителями на северо-западе Англии, на американской военно-воздушной базе, расположенной неподалеку от Ливерпуля. Ее отец служит в ВВС США, а мать — местная, из-под Биркенхеда. Когда отец дослужит свою европейскую смену, он увезет семью в США. Скорее всего, они поселятся в Ричмонде, штат Виргиния, где Боб Граватт родился и где его отец держит оптовое предприятие по торговле техническими красками. Боб любит поговорить, чем он займется, уйдя в отставку, но все прекрасно понимают, что холодная война продлится еще долгие годы и американские вооруженные силы не будут сокращаться, ни снижать уровень боеготовности.

У Терезы длинные волнистые темно-русые волосы, постепенно теряющие тот золотистый оттенок, за который папа называл ее принцессой. Мама любит ее причесывать, но вот только нещадно дерет волосы, когда гребенка в них застревает. Тереза уже умеет самостоятельно читать книжки, самостоятельно писать, самостоятельно рисовать и са-

мостоятельно, в одиночку, играть. Она привыкла к одиночеству, но при этом любит играть с другими ребятами с базы. Каждый день она катается на велосипеде по дорожкам соседнего парка, тогда же, во время этих прогулок, она играет со знакомыми ребятами. Она единственная среди них, у кого мама — англичанка, но никто не обращает на это внимания. Каждый день, кроме выходных, папа водит ее на другой конец базы в школу для детей военно-служащих.

Тереза выглядит и ведет себя как вполне довольная жизнью девочка; ее любят родители, с ней охотно сходятся сверстники в школе. Жизнь Терезы кажется правильной и разумной, потому что все, кто знает ее поближе, обитают в том же замкнутом, жестко регламентированном мире американской военной базы. У всех ее знакомых тоже нет постоянного дома, министерство обороны может в любой момент перебросить их родителей с одной базы на другую. Им тоже знакомы долгие, по несколько недель отлучки отцов на учения и тренировки. Они тоже понимают, как ломается устоявшаяся было жизнь, когда отцу приходит новое назначение: в Западную Германию, на Филиппины, в Центральную Америку, в Японию.

Хотя Тереза ни разу еще не пересекала Атлантический океан, почти вся ее жизнь проходила на американской территории, на этих островках, выделенных из земли других стран и предоставленных американскому правительству под военные базы. Тереза родилась гражданкой США, ее учат в школе на американский манер, а через несколько лет, когда ее отец уйдет в отставку с военной службы, она навсегда поселится в Соединенных Штатах. Сейчас Тереза ничего такого не знает, да и зачем бы ей. Для нее известный ей мир — это одно место, а мир воображаемый — со-

всем другое. Папин мир заканчивается у забора базы, ее же мир простирается бесконечно.

Иногда, когда идет дождь — что происходит в этих местах едва ли не ежедневно, — или когда Терезе особенно хочется побыть в компании других детей, или просто такое настроение, она играет в родительской спальне в игру, лично ею придуманную.

Подобно всем интересным играм, эта игра постоянно развивается, день ото дня становится все сложнее, однако ключевым ее элементом как был, так и остается дверной проем, зияющий в стенке спальни. Судя по всему, здесь никогда не было, а может, даже и не планировалось двери; во всяком случае, на дверной коробке нет следов от прежних петель.

Давным-давно — то есть несколько лет назад — Тереза заметила, что окно гостиной по ту сторону двери ничем не отличается от окна спальни и что и там и там висят одинаковые оранжевые занавески. Если расположить занавески симметричным образом, встать футах в двух от дверного проема и не смотреть по сторонам, можно было представить себе, что смотришь в зеркало. Тогда она словно видела перед собой не часть другой комнаты, а отражение того, что было за ее спиной.

С этого зеркала начиналась ее личная тайная реальность. Сквозь него можно было бежать в мир, свободный от военных баз с их высокими заборами, в страну, где сбывались ее мечты.

Этот мир начинался с зеркальной комнаты по ту сторону дверного проема, и там, в этой комнате, она видела другую девочку, в точности похожую на нее.

Несколько недель назад, стоя перед своим воображаемым зеркалом, Тереза протянула руку в сторону девочки, стоявшей понарошку в соседней комнате, в зеркальном

мире. Словно по волшебству, воображаемая подружка тоже подняла руку, в точности повторяя каждое ее движение.

Звали эту девочку Меган, и она была полной противоположностью Терезы. Она была ее идентичным близнецом и одновременно ее противоположностью во всех отношениях.

Теперь, когда Тереза оставалась одна или когда родители были заняты чем-то взрослым в какой-нибудь другой части дома, она подходила к своему зеркалу и играла с Меган в невинные воображаемые игры.

Для начала она улыбается и поддергивает платье вверх, а затем наклоняет голову. Там, в зеркале, Меган тоже улыбается, приподнимает край платья и застенчиво опускает голову. Руки протягиваются вперед, кончики пальцев на мгновение соприкасаются в том месте, где полагается быть зеркалу. Затем Тереза поворачивается и отступает на шаг, со смехом оглядываясь на Меган, повторяющую все ее движения. Все поступки каждой из девочек являются зеркальным обращением поступков другой.

Иногда две девочки садятся у зеркала на пол и перешептываются о мирах, в которых они живут. Случись кому-нибудь из взрослых подслушать их разговор, он бы ничего в нем не понял. Это некий поток странных фантастических образов, бесконечно увлекательных и вполне достоверных для ребенка, но совершенно бесформенных и случайных со взрослой точки зрения, ведь они болтают обо всем, что только придет им в голову. Для самих девочек природа их дружбы является вполне рациональной. Их жизни и фантазии точно подогнаны друг к другу, потому что каждая из них является дополнением другой. Они до ужаса похожи, с полуслова понимают друг друга, но их миры наполнены совершенно разными именами и названиями.

Детские радужные мечты текут неиссякаемым потоком. Проходят дни, недели и месяцы, а Тереза и Меган все так же обмениваются своими немудреными фантазиями о других странах и других событиях. На какое-то время их жизни обретают стабильность и постоянство. У каждой из них есть надежная товарка, они относятся друг к другу с абсолютным пониманием и доверием.

Меган всегда рядом, по другую сторону зеркала; Тереза черпает из дружбы с ней силы и начинает формировать более ясные представления об окружающем мире и о себе самой. Ей приятно видеть то, что ускользало прежде от ее внимания, и встраивать эти находки в свою жизнь, приятно понимать, чем занимается папа и почему они с мамой поженились, понимать, как связана ее жизнь с их жизнью. Даже мама подмечает происходящие с ней изменения и нередко говорит, что ее маленькая девочка начала наконец взрослеть. Впрочем, это чувствуют и все вокруг.

И там, в зеркале, Меган тоже изменяется.

Однажды мама спросила у Терезы:

— Помнишь, я тебе говорила, что когда-нибудь мы уедем в Америку и будем там жить?

— Да, помню.

— Ну так вот, теперь это будет скоро, совсем скоро. Недели через две или что-нибудь в этом роде. Ты рада?

— А папа тоже поедет с нами?

— Конечно, ведь это же все из-за него, из-за его работы.

— А Меган?

— Ну конечно же, Меган поедет с нами,— улыбнулась мама и обняла ее еще крепче.— Неужели ты думаешь, мы ее оставим?

— Конечно нет,— сказала Тереза и взглянула через мамино плечо на дверной проем, где стояло зеркало.

С этого места Меган не было видно, но она точно была где-то там.

Через несколько дней, когда родители по сотому разу обсуждали отъезд в Америку — что время совсем поджигает, а сколько еще дел не сделано, — Тереза надолго осталась в спальне одна. Весь ковер был завален игрушками, но они ей уже надоели. Тогда она взглянула на дверь и увидела там Меган. Судя по недовольному скучающему лицу, ей тоже все надоело; обе девочки начинали осознавать, что приходит пора, когда их общий воображаемый мир не сможет больше заслонять реальность.

Когда Меган отвернулась, Тереза тоже отвернулась и подошла к родительской двуспальной кровати, накрытой тоненьким, сдержанных тонов стеганым одеялом, которое мама сшила сама на прошлой рождественской неделе. Тереза залезает на кровать и несколько раз подпрыгивает на тугих пружинах, но и эта привычная забава не сильно ее радует. Она начинает сомневаться, а правда ли Меган переедет вместе с ними в новый американский дом.

Тереза оглядывается на зеркало, но так как кровати там не видно, то и Меган тоже не видно. Она ощущает, что ее маленький мир катастрофически сужается, что ограда, отделяющая его от мира большого, стягивается как петля.

Позднее, после обеда, она возвращается к кровати, все так же полная тревоги и беспокойства. Папа сказал, что послезавтра он улетает во Флориду и что они с мамой последуют за ним через пару дней. Меган подходит к зеркалу; судя по несчастному лицу, она тоже боится возможного расставания. Посмотрев с минуту друг на друга, девочки поворачиваются и расходятся.

С папиной стороны кровати, которая не к стенке, а в комнату, есть низенькая тумбочка с выдвижным ящиком;

года два или три назад папа велел Терезе никогда его не открывать. Тереза знает, какая интересная вещь там лежит, но никогда еще не нарушала запрет.

Теперь она открывает неглубокий ящичек и осторожно дотрагивается до лежащего там пистолета. Она трогает его еще раз, щупает кончиками пальцев холодную вороненую сталь, а затем берет пистолет двумя руками и медленно, с трудом поднимает. Тереза знает, как следует держать оружие, потому что папа ей как-то показывал, но сейчас ее мысли только о том, какая же она тяжелая, эта штука. Ее маленькие ручки едва справляются с непосильным для них весом.

Это самая восхитительная вещь, какую она когда-либо держала в руках, самая восхитительная и самая страшная.

Дойдя до середины комнаты, Тереза кладет пистолет на стул и смотрит в зеркало. Меган стоит рядом с таким же стулом, лицо у нее печальное, как и все последние дни.

На стуле, который у Меган, пистолета нет.

— Посмотри, что у меня есть,— говорит Тереза, а затем, сообразив, что Меган ничего не видно, берет пистолет со стула и вскидывает его повыше.

Она направляет пистолет прямо на свою близняшку, через узкое пространство, их разделяющее. Она ощущает в комнате какое-то движение, неожиданное появление кого-то большого, взрослого, ощущает и непроизвольно дергается. Раздается оглушительный грохот, пистолет вылетает у Терезы из рук, больно выламывая ей пальцы, а там, за воображаемым зеркалом, резко обрывается маленькая, сотканная из фантазий жизнь.

Прошло тридцать пять лет.

Через восемь лет после возвращения в США отец Терезы, Боб Граватт, гибнет в автомобильной катастрофе, про-

исшедшей на автостраде 24 в Кентукки, неподалеку от его авиабазы. После этого ужасного происшествия Терезина мать Абигейл переезжает в Ричмонд, штат Виргиния, и некоторое время живет с родителями Боба. Это решение является для всех для них вынужденным, и ничего хорошего из него не выходит. Абигейл начинает пить, залезает в долги, регулярно ссорится с родителями Боба и в конце концов вторично выходит замуж. Теперь у Терезы есть двое единоутробных братьев и единоутробная сестра; они ее, мягко говоря, недолюбливают, она их — тоже. Не трудно понять, что такое положение вещей не доставляет особой радости ни Терезе, ни ее матери. Подростковые годы Терезы проходят в нездоровой, постоянно накаленной обстановке.

По мере превращения Терезы из подростка во взрослую девушку сумбур в ее эмоциональной жизни только усиливается. Она проходит через ряд жестоких разочарований, неудачных романов и переездов, совсем отчуждается как от матери, так и от отцовской семьи; довольно долгое время живет не расписываясь с кошмарно закомплексованным, отрицающим все и вся человеком, который быстро и целеустремленно спивается. Далее следует еще более долгий период, когда Тереза снимает квартиру на пару с другой молодой женщиной; в конце концов она узнает о муниципальной программе финансовой помощи студентам, желающим закончить образование.

С этого момента начинается ее настоящая взрослая жизнь. Тереза прилежно учится, подрабатывая попутно секретаршей. Через четыре года, получив степень бакалавра по информатике, она находит себе весьма приличную работу в одном из подразделений министерства юстиции.

Еще через пару лет она выходит замуж за сосолуживца по имени Энди Саймонс, и брак их оказывается вполне

удачным. Год за годом Энди и Тереза живут в полном согласии, почти не ссорясь. С детьми они не торопятся, потому что увлечены работой и вкладывают в нее все свои силы. Два государственных жалованья делают их людьми вполне обеспеченными; они позволяют себе проводить отпуск в дорогих зарубежных поездках, начинают собирать антиквариат и картины, обзаводятся несколькими машинами, устраивают многолюдные вечеринки и, как завершающий штрих, покупают в Вудбридже, штат Виргиния, просторный дом с видом на Потомак. А затем все счастье Терезы внезапно рушится: жарким июньским днем Энди едет на задание в небольшой, расположенный на «сковороднике» Техаса городок и гибнет от пули взбесившегося маньяка.

Прошло восемь месяцев, но она так и не оправилась. Нестерпимая горечь внезапного вдовства многократно усугубляется дикой бессмысленностью гибели Энди и неспособностью министерства юстиции предоставить ей хоть сколько-нибудь серьезную информацию относительно обстоятельств этой гибели.

Ей уже сорок три года. Со дня, когда умерла Меган, прошла треть столетия; при взгляде назад эти годы сближаются, складываясь в резюме ее прошлой жизни, в пролог к чему-то иному, чего она не хочет. Все, что было, закончилось тяжелой утратой. Терезе остались щедрые выплаты по страховым полисам Энди, три машины, большой, гулкий дом, в каждом углу которого таились непрошенные упреки и драгоценные воспоминания, работа, охотно предоставившая ей длительный отпуск по семейным обстоятельствам, и дружное сочувствие всех коллег, знакомых и незнакомых.

Темным февральским вечером Тереза принимает наконец предложение начальника отдела взять отпуск. Она

едет в вашингтонский аэропорт имени Джона Фостера Даллеса, оставляет машину в платном гараже и вылетает самолетом компании «Американ эруэйз» в Англию.

Пока самолет заходит на посадку в лондонском Гатвике, Тереза жадно разглядывает в окно тусклую, насквозь промокшую от дождя Англию. Она не знает, чего в точности ждала, но увиденное не вызывает у нее особого энтузиазма. Когда шасси самолета коснулись земли, аэропорт ненадолго исчез из виду, заслоненный брызгами из-под колес и выхлопом двигателей. В Англии февраль не такой холодный, как в Вашингтоне, но, пока Тереза пересекает эспланаду аэропорта в поисках своего прокатного автомобиля, ветер и промозглая сырость окончательно повергают ее в тоску.

В пути Тереза борется с собой, стараясь подавить эти обескураживающие впечатления. Ей неудобно управлять маленьким, истерически чутким к малейшим поворотам руля «фордом-эскорт», неудобно от суматошной торопливости всех прочих едущих по дороге машин, от странного, явно нелогичного способа, каким нужно проходить перекрестки.

Несколько освоившись с автомобилем, она позволяет себе изредка оторвать глаза от дороги и с живым интересом поглядывает на проносящийся мимо пейзаж — пологие холмы, черные скелеты деревьев, крошечные домики и заболоченные поля. И мало-помалу Англия, покинутая Терезой много лет назад, начинает ее очаровывать.

Эта страна в корне отлична от той, что знакома Терезе; она меньше, старше и компактнее, она разместилась не на бесконечных безликих просторах, а в тесно спрессованном времени, здесь тебя в спину подпирает прошлое, а впереди уже брезжит будущее, смыкающиеся вот в этом,

настоящем моменте. Тереза измотана долгим полетом, недосыпом и стоянием в таможенной очереди, так что не стоит удивляться причудливости ее мыслей.

Она останавливается в каком-то маленьком городке, чтобы размять ноги и взглянуть на местные лавки, а потом возвращается в машину и какое-то время дремлет, неудобно скрючившись за рулем. Резко, толчком проснувшись, Тереза не понимает, где она находится, а потом начинает скорбно думать об Энди, о том, как бы ей хотелось, чтобы он тоже все это видел. Она прилетела сюда в попытке забыть о нем, но результат получался скорее обратный. Если бы он тоже был здесь... Она сидит и плачет, задаваясь вопросом, не стоит ли вернуться в Гатвик и первым же рейсом улететь домой, но все же решает, что нужно дойти до конца.

При последнем свете короткого дня Тереза едет на юг к Сассекскому побережью, высматривая маленький прибрежный городок Булвертон*. Это Англия, думает она, я ее знаю, я здесь родилась. Однако у нее не осталось в Британии ни родственников, ни знакомых, она здесь все равно что чужая. Год назад, восемь месяцев назад, иначе говоря, целую жизнь назад она и слыхом не слыхала про Булвертон-он-Си. Когда Тереза доехала до Булвертона, была уже ночь и большинство зданий погрузилось во тьму. На узких улочках — ни души, и только по ведущей к побережью дороге проезжают изредка машины. Найдя свою гостиницу, она несколько минут сидит в машине, собираясь с силами и с мыслями. В конце концов берет пару сумок и выходит наружу.

И тут все вокруг нее заливают ослепительно белый свет.

* Вымышленный город. В Британии Булвертон есть, но не на море и вообще в другом месте. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Глава 2

Ее зовут Эми Колвин, и у нее есть своя история о том, что случилось в прошлом июле, в тот памятный день. Подобно многим другим обитателям Булвертона, она не имеет никого, с кем бы можно было поделиться своей историей. Никто вокруг не в силах об этом слышать, и даже сама Эми не хочет уже больше говорить. Ну сколько можно твердить о своих муках и об упущенных возможностях, обвинять себя во всех, какие только есть и каких нету, грехах, горевать о все еще кровоточащих утратах, о все еще не избытой любви? Но невозможность выговориться отнюдь не избавляет от мыслей.

Сегодня, как и обычно, она сидела за стойкой бара, ничем особым не занятая, и вся эта история до одурения прокручивалась в ее мозгу. Она была там постоянно, как неотвязная, прилипчивая мелодия.

— Если что, я буду в баре, — сказал ей Ник Сертиз часом раньше.

Ник был хозяином «Белого дракона», и он тоже мог бы рассказать свою историю.

— Ладно, — сказала Эми, потому что он каждый вечер говорил ей, что будет в баре, и каждый вечер она отвечала: ладно.

— У нас не предвидятся сегодня какие-нибудь постояльцы?

— Не думаю. Но, в общем-то, всегда может кто-нибудь появиться.

— Ну, я оставляю это твоим заботам. А если никто не заедет, ты не против помочь мне, посидеть за стойкой?

— Нет, Ник, не против.

Эми Колвин была одной из многих косвенных жертв массовой бойни, случившейся в Булвертоне прошлым летом. Она не находилась тогда в прямой опасности, однако на всю ее дальнейшую жизнь легла мрачная тень. Ужас того дня и не думал забываться. Дела в гостинице шли довольно вяло, оставляя ей слишком много времени на раздумья о том, что случилось с теми, кому совсем не повезло, и как могла бы повернуться ее жизнь, если бы не весь этот ужас.

Раз за разом ее мысли — и ее сожаления — возвращались к Нику Сертизу, также косвенно пострадавшему от той жуткой бойни. Еще год назад Эми и в голову не могло бы прийти, что она снова увидит Ника, не говоря уж о том, чтобы работать в его гостинице и спать в его постели. Но именно так все и вышло; почему? — непонятно, надолго ли? — неизвестно. Они с Ником нашли друг у друга поддержку и утешение, а потом, когда их горе несколько притупилось, вступила в действие обычная житейская инерция.

Булвертон расположен на холмистом краю Певенсийской равнины, между Истбурном и Бексхиллом. Полвека назад он был довольно популярным летним курортом, одним из тех приморских городков, куда охотно ехали отдыхать родители с маленькими детьми. С резким удешевлением отдыха за рубежом Булвертон стал быстро приходить в упадок. Большая часть прибрежных гостиниц была пере-

оборудована в приюты для престарелых и обычные жилые дома. За последние двадцать лет Булвертон, фигурально говоря, повернулся к морю спиной и стал играть на незамысловатых прелестях Старого города, чьи сады и террасы занимали часть речной долины и один из соседних холмов. Вся хозяйственная деятельность Булвертона ограничивалась антикварными и букинистическими лавками, некоторым количеством частных лечебниц, сосредоточенных по преимуществу в верхней части города, на так называемом Гребне, и сдачей квартир людям, ездившим на работу в Брайтон, Истбурн или в Танбридж-Уэллс.

«Белый дракон» никак не мог определиться, быть ему пабом или приморской гостиницей, и вина за эту нерешительность лежала полностью на Нике. Он, конечно, предпочел бы паб, чтобы проводить все вечера в баре, накачиваться пивом в компании немногих своих дружков.

Чуть более прибыльная гостиничная специализация, постель-и-завтрак да изредка полупансион на выходные, полностью лежала на Эми; Ник с величайшей охотой свалил это на нее. В первые после бойни дни и недели, когда Булвертон осаждали журналисты и телевизионщики, гостиница была набита под завязку, и Эми тогда с радостью окунулась в работу, дававшую ей возможность хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей. Но затем, когда первое потрясение прошло и Булвертон перекочевал с первых газетных полос на последние, деловая активность стала снижаться, к середине июля она вернулась на обычный, весьма умеренный уровень. То, что постояльцев было мало, позволяло Эми в одиночку и без особого труда поддерживать номера в чистоте, перестилать постели, обеспечивать крохотный ресторанчик достаточным выбором блюд и даже вести бухгалтерию. Ник в эти дела не лез.

Эми часто вспоминала прежние времена, когда их тесная, еще в школе сложившаяся компания каждое лето ездила в Истбурн, где с июля по сентябрь непременно происходили два-три крупных сборища: съезды политических партий, конференции профсоюзов, деловых или гуманитарных организаций. Там было нетрудно найти краткосрочную, но прилично оплачиваемую работу — большим гостиницам всегда требовались горничные, официанты и бармены. К тому же было весело, уйма молодых людей, торопившихся растряссти деньги, и никто ни за чем не следил, никто ни на что не обращал внимания. Там-то она и встретила Джейса, он тоже подрабатывал на съездах в роли сомелье. Смех, да и только, ведь Джейс, бывший в обычной жизни кровельщиком, разбирался в винах еще хуже, чем Эми.

О чем Эми не рассказала сегодня Нику, так это о чувстве разочарования, нараставшем в ней едва ли не с самого утра. Дело в том, что две недели назад из Америки пришел предварительный заказ. Тогда Эми тоже ничего Нику не сказала, перевела полученный задаток на банковский счет, и все. А в общем, женщина по имени Тереза Саймонс хотела получить комнату с отдельной ванной; она писала, что приедет в Булвертон на неопределенное время и нуждается в базе, откуда будет делать набеги на окрестности.

Перед Эми вставала радужная перспектива обеспечить на медленные месяцы поздней зимы один из номеров постоянной жилищкой; если учесть завтраки, обеды, ужины и потенциальный рост выручки от бара, дело представлялось очень выгодным. Глупо, конечно же, было бы думать, что одна-единственная клиентка сможет существенно изменить финансовое положение гостиницы, но по какой-

то неясной причине Эми считала такое возможным. Она сразу же послала ответный факс, что такая комната имеется, и даже предложила, на случай долгого поста, небольшую скидку. Буквально через несколько часов пришло подтверждение заказа вкупе с задатком. А Ник так ничего еще и не знал.

Сегодня был день предполагаемого заезда миссис Саймонс. Согласно факсу, она прилетала в Гатвик и, значит, могла появиться в гостинице еще до полудня. Но прошло обеденное время, а от гости не было ни слуху ни духу. По мере того как день клонился к закату, у Эми нарастало ощущение досадной неудачи. Оно находилось в явной диспропорции к важности происходящего — самолет мог задержаться по массе разнообразных причин, да и кто вообще сказал, что приехавшая туристка должна тут же мчаться в гостиницу? — и Эми прекрасно это понимала.

Это лишний раз ей напомнило, как много надежд она связала с этим заурядным, в общем-то, делом. Ей хотелось удивить Ника неожиданным приездом миссис Саймонс, обрадовать его рассказом об отнюдь не лишней прибавке к доходам, и не на пару дней, а на длительное время. Маячил даже смутный призрак надежды, что такое известие может вырвать его из нескончаемого потока мрачных размышлений.

Эми понимала, что оба они помимо воли затянуты в водоворот тоски и страданий; едва ли не все жители Бульвартона все еще живо переживали недавнюю трагедию.

А вот что было сказано на заупокойной службе, проведенной через неделю после этого кошмара, — в тот единственный за всю ее жизнь раз, когда она пошла в церковь по собственному, искреннему желанию. Преподобный Кеннет Олифант сказал тогда, что горе — одна из разно-

видностей жизненного опыта, наряду со счастьем, или успехом, или любовью. Горе имеет свою форму и длительность, оно что-то дает и чего-то лишает. Горе нужно перетерпеть, нужно ему подчиниться, потому что избавление от горя лежит не в нем самом, а за ним, и путь к избавлению один — через горе.

Эти слова утешали, но практической пользы от них было чуть. Подобно многим своим согражданам, Эми и Ник все брели и брели через горе, а избавления все не было и не было.

Эми сидела за стойкой, рассеянно глядя сквозь сизые облака табачного дыма на поблескивающий пивными лужицами столик, за которым Ник со своими друзьями играли в брэг. В тот момент, когда Ник потянулся за кружкой, чтобы сделать очередной глоток, с улицы донесся звук остановившегося автомобиля.

Эми не пошевелилась, даже не перевела взгляд, но все ее внимание сосредоточилось на звуке вхолостую работавшего мотора. Ни голосов, ни шелканья открываемой дверцы, только ровное урчание мотора. Это было похоже на тишину.

Затем послышался скрежет включенного сцепления — включенного лениво или неумело, а может, устало? — и машина стала медленно отъезжать. Сквозь матовые нижние половинки оконных стекол Эми увидела, как вспыхнули задние стоп-сигналы, когда водитель притормозил под аркой, затем он свернул, направляясь на стоянку. Обостренные чувства Эми следили за машиной, как радар ПВО — за ракетой. Рокот мотора смолк.

Эми встала с табуретки, подняла откидную доску стойки и подошла к окну, посмотреть, что там делается. Если Ник и заметил ее действия, он ничем этого не показал.

Карточная игра продолжалась. Один из приятелей Ника раздавил окурок в пепельнице и достал из пачки новую сигарету.

Эми прижалась лбом к холодному запотевшему стеклу, протерла пальцами прозрачный глазок и посмотрела на улицу. Блестящая от недавнего дождя Истбурн-роуд исполосована подсыхающими следами автомобильных колес. Рваные клочки оранжевого света уличных фонарей отражаются от неровной мостовой, от окон и витрин на другой стороне улицы. Кое-где витрины светятся, но по большей части либо закрыты стальными ставнями, либо попросту пустуют.

Эми смотрела на проезжающие мимо машины, пытается понять, как же это могло получиться, что звук одного-единственного притормозившего автомобиля так резко выделился из непрерывного гула всех прочих. Скорее всего, это значило, что она находится в непрерывном напряжении, что приезд американки обрел для нее некий личный смысл.

Она вернулась за стойку, опустила откидную доску, а затем вышла в задний коридор, тянувшийся параллельно бару. В дальнем конце коридора располагались комнаты, где они с Ником жили и спали. Непосредственно рядом с дверью в бар была крошечная кухня, где они готовили для себя, а заодно и ели. Эми не свернула ни туда ни сюда, а пошла прямо к двустворчатой двери пожарного выхода. За дверью, выходящей на зады гостиницы, располагалась парковка.

Эми включила охранные прожекторы, и они затопили все вокруг въедливым, неестественно белым светом. Забрызганная дождем машина стояла наискось к белым линиям разметки; вышедшая наружу женщина наклонилась у рас-

пахнутой задней дверцы и что-то там доставала. Потом она шагнула назад, выпрямилась и поставила на асфальт две небольшие сумки.

Эми подошла к женщине в тот самый момент, когда та открыла багажник. В багажнике лежало еще несколько сумок, больших и поменьше.

— Миссис Саймонс? — спросила Эми.

— Я покажу вам ваш номер,— сказала Эми, обгоняя американку на середине лестницы; ответом ей была благодарная улыбка.

Миссис Саймонс выглядела младше, чем Эми ожидала, но по сути-то эти ожидания основывались практически ни на чем: американский адрес, письмо синей шариковой ручкой на какой-то необычной бумаге, чуть-чуть непривычная лексика и структура фраз. За формальной, старательно выдержанной вежливостью письма смутно маячил образ почтенной матроны пенсионного или около того возраста. Все оказалось совсем не так. Миссис Саймонс была очень привлекательна и словно не имела возраста, наподобие некоторых телевизионных актрис. Эми на мгновение почудилось, что эта женщина ей знакома, что она когда-то видела ее на экране или еще где. Сквозь безупречную оболочку явственно проступала тяжелая, с ног валяющая усталость, ничуть не удивительная для женщины, только что перенесшей трансатлантический перелет, но все равно она держалась свободно и раскованно, что позволяло и Эми расслабиться. Миссис Саймонс обещала оказаться куда более интересной личностью, чем обычные их постояльцы — пенсионного возраста парочки, проводившие в Булвертоне выходные, да люди, приезжавшие по разным делам и останавливавшиеся на одну ночь.

Эми провела ее на второй этаж, в двенадцатый номер, где еще с утра все проверила, застелила свежее белье и включила отопление. Она вошла в комнату первой, включила верхний свет, а затем распахнула дверь ванной для осмотра. Американцы слыли очень привередливыми по части порядка в гостиничных ваннах.

— Я схожу позабочусь о вашем багаже,— сказала Эми, но не услышала ответа — миссис Саймонс уже удалилась в ванную.

Эми вышла из номера и прикрыла за собой дверь.

Спустившись в бар, Эми сразу же сообщила Нику о приезде миссис Саймонс, но к этому времени он уже выпил больше, чем следовало бы,— свою обычную порцию, неизменно оказывавшуюся больше, чем следовало бы,— и ограничился тем, что пожал плечами.

— Ты бы не мог отнести ее вещи из машины в номер? — спросила Эми.

— Да, только подожди минутку,— ответил Ник и показал ей в качестве объяснения свои карты.— И вообще, откуда она взялась? Ты же вроде ничего не говорила, что кто-то там сегодня заедет.

Ник выкинул на стол очередную карту. Сдерживая мгновенно вспыхнувшее раздражение, Эми прошла к машине, забрала оставшиеся там вещи и поволокла их на второй этаж.

— Поставьте прямо здесь.— Тереза Саймонс указала на угол комнаты.— Неужели вы сами все это тащили?

— Ерунда,— отмахнулась Эми.— И я все равно собиралась к вам зайти. Вы не хотели бы перекусить, поужинать? Мы кормим гостей, не придерживаясь расписания, так что мне это не составит никакого труда.

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Я завернула по пути в один из придорожных ресторанов. А вот бар у вас тут есть?

— Да.

— Я отдохну немного, а потом, если будет настроение, спущусь и чего-нибудь выпью.

Вторично вернувшись в бар, Эми увидела, что Ник прошел за стойку и цедит себе очередную пинту лучшего бочкового.

— Так почему ты ничего мне о ней не сказала? — спросил он, поднося кружку к губам и шумно втягивая пену.

— Я думала, ты сам увидишь по регистрационной книге.

— Да что ты, лапа, я оставляю все это на твое попечение. А сколько она думает тут прожить? До завтра? Неделю?

— Номер был заказан на неопределенное и уж точно долгое время.

Против ее ожидания Ник не выказал ни восторга, ни удивления, а только заметил:

— Если так, то нужно будет выписывать ей счет в конце каждой недели. Лучше уж перебдеть.

Эми нахмурилась и вышла следом за Ником из-за стойки.

Она собрала со столиков немногочисленные грязные стаканы. Поменяла Нику и его друзьям пепельницу. Вернувшись за стойку, перемыла все стаканы под сильной струей воды и расставила их на резиновом поддоне сушилки. Она думала о Нике с его непрерывной пьянкой, о том, как засосала его бесцельная, бессмысленная жизнь, когда один день перетекает в другой без всяких улучшений и изменений. Ну а что бы еще можно было ему предложить? Более того, что бы еще можно было предложить ей самой? Ее родители умерли, Джейс погиб, многие ее друзья уехали в Брайтон, Дувр или Лондон — куда угодно, лишь бы

прочь из Булвертона — в надежде начать новую жизнь. За последние месяцы из города съехало много людей. В ней крепло желание последовать их примеру.

Две недели назад Эми получила письмо от своей двоюродной сестры Гвинет, которая десять лет назад уехала в Австралию подработать на каникулах, влюбилась в молодого строителя и решила не возвращаться. Она вышла замуж, получила австралийское гражданство и обзавелась двумя маленькими детьми. Эми с Гвинет обменивались письмами нечасто, последний раз это было где-то прошлой зимой. В новом письме сестры сквозила озабоченность, как-то живет теперь Эми в своем Булвертоне. Подобно многим людям со стороны, она явно боялась хоть словом упомянуть постигшую городок катастрофу. Гвинет не в первый уже раз уговаривала Эми слетать на отпускное время в Австралию и посмотреть, как ей понравится Сидней. Она писала, что у них есть свободная комната, что живут они в получасе езды от центра, а до гавани и прекрасных серфинговых пляжей от них вообще несколько трамвайных остановок...

— Привет.

Эми вздрогнула и удивленно вскинула глаза; она почти уже забыла, что американка думала спуститься в бар.

— Извините,— сказала Эми,— я тут так задумалась, что и забыла, где нахожусь. Налить вам что-нибудь?

— Да, пожалуйста. У вас есть бурбон?

— Есть. Вам со льдом?

— Со льдом. И пусть, пожалуй, будет двойной.

Эми отвернулась, сняла с полки стакан и налила двойной бурбон.

Когда она снова повернулась, миссис Саймонс уже сидела на одном из высоких табуретов, наклонившись впе-

ред и упираясь локтями в стойку. Выглядела она устало, но, похоже, начинала уже отходить.

— В общем-то, я думала, что сразу усну и не проснусь до утра,— сказала она, сделав первый глоток.— А потом вдруг осознала, что сижу в незнакомой комнате в тысячах миль от дома и что сна ни в одном глазу. Думаю, я все еще вроде как в том самолете.

— Вы впервые в Англии?

— А это хорошо или плохо? Будем считать ваш вопрос комплиментом,— криво усмехнулась миссис Саймонс, взяла стакан, собираясь, по-видимому, глотнуть еще, но потом передумала и опустила его на стойку.— Моя мать была англичанкой, и родилась я здесь, на островах. Так что в этом смысле я англичанка. Отец у меня был военным, летчиком. Не знаю уж, какой термин для этого у вас, но у нас в США таких, как я, называют военно-воздушными ублюдками. Моя мама вышла за папу, когда он служил на одной из здешних авиабаз... Тогда ведь здесь стояло много наших частей. Он был родом из Виргинии. Вы когда-нибудь слышали про такой город Ричмонд?

— Да, слышала. А ваши родители, они еще живы?

— Нет. И уже давно,— добавила американка, вскинув и тут же опустив глаза.— Я постоянно их вспоминаю, но теперь уже...

— А у вас сохранились воспоминания об Англии?

— Я была тогда совсем еще маленькой да к тому же редко покидала базу. Вы же знаете, как это принято у американцев, они не любят расставаться со знакомой обстановкой. Мой папа, он тоже был из таких. Мы жили на базе, ходили на базу в магазины, ели на базе гамбургеры и мороженое, смотрели на базе кино, и все друзья моего папы, они тоже были с базы. Мама возила меня время от

времени в Биркенхед, к бабушке и дедушке, но эти поездки мне почти не запомнились. Слишком уж я была маленькая. Я выросла в США. Так я и говорю, когда меня спрашивают, потому что чувствую: там и есть моя родина.

У американки была характерная манера, возможно обостренная ее усталостью: она часто поглаживала себя за левым ухом и чуть пониже затылка. Шелковый шарфик не давал понять, что у нее там, больное место или что. Скорее всего, просто одеревенела во время полета и поездки шея.

— Так вы приехали отдыхать? — спросила Эми.

— Нет.— Стакан уже опустел, и американка машинально вертела его в руке.— Я хочу здесь поработать. А можно, я вас угощу?

— Да нет, не стоит. Спасибо.

— Вы уверены? Ладно, а я возьму еще один двойной, и хватит. Я ведь и в самолете пила, но там это как-то совсем не чувствуется. Не чувствуется, пока не пойдешь в туалет, а там начинает казаться, что самолет не ровно летит, а скачет как лошадь. Но все это было давно.

Она обхватила ладонями свеженаполненный стакан.

— Огромное спасибо. Кажется, я слишком разболталась. Но это только сегодня, обычно я не такая... Хочу лечь в постель и уснуть, а сейчас у меня это просто не получится, если не приму предварительно пару порций.— Обводя взглядом почти опустевший бар, американка на мгновение приоткрыла шею.— А чем тут у вас люди в основном занимаются?

— Да ничем таким особенным,— пожала плечами Эми.— Многие переезжают сюда, когда выходят на пенсию. Если прогуляться в сторону Бексхилла, увидите там много больших старых зданий. Все они, за немногими исключения-

ми, превращены теперь в дома для престарелых. Работы в городе почти нет.

— А есть тут на что посмотреть? Ну, всякие там места, которые показывают туристам.

— Когда туристы сюда еще ездили, все они восхищались нашим Старым городом. До него тут рукой подать. На задах гостиницы, где вы поставили машину, проходит дорога, ведущая от побережья вверх. По ней вы попадете на базарную площадь, в самое сердце Старого города.

— А музей тут какой-нибудь есть?

— Маленький. Еще один есть в Бексхилле и пара — в Гастингсе.

— Краеведение и всякое такое?

— Я давно не бывала ни в каких музеях, так что толком и не помню, но вроде бы так.

— А есть тут какая-нибудь газетная редакция, где я могла бы навести справки?

— Да, «Курьер». В Старом городе есть контора, где они принимают заказы на частные объявления. Но редакция у них не здесь, а вроде бы в Гастингсе. А может, даже в Истбурне. Завтра утром я попробую для вас разузнать.

— Так эта газета печатает не только местные новости? В смысле, что не только про Булвертон?

— Наш город слишком уж маленький, чтобы иметь свою отдельную газету. Ее настоящее название — «Бексхиллский и булвертонский курьер», но все говорят просто «Курьер». И она тут единственная на все побережье вплоть до залива Певенси.

— Понятно. Большое спасибо... Я ведь так и не знаю вашего имени.

— Эми. Эми Колвин.

— Очень приятно познакомиться, Эми. А меня зовут Тереза.